

АГРИППИНА МАТВЕЕВНА НИКОНОВА

Агриппина Матвеевна Никонова — в 1932 г. 88 летняя колхозница–вдова д. Конновской Песчанского сельсовета Пудожского района. Раньше, по ее словам, знала много былин, которым научилась от стариков: «До сего ездили старики нищии, и переняла». Слыхала былины и из книг, сама же была неграмотна. Живя последние годы по зимам в Петрозаводске с внуками, она пела былины женщинам–соседкам. В деревне же, как она говорила, уже былин не слушали. Кроме записанных от нее былин, знала еще «рассказом» — «Бой Добрыни со Змеем», «Про вдовку–пашицу», «Двенадцать дочерей и сын» («Василий и Софья») и духовные стихи: «Егорий храбрый» («Мучения Егория»), «Алексей человек божий» и «Олисафия» («Егорий и Змея»). Агриппина Матвеевна знала еще старинные песни и волшебные сказки: «Аленький цветочек», про двух братьев, «как один поймал утку–золотые крылка — свое счастье», как купец отдал сына водяному, как гуси унесли братца и др., а также сказку про Еруслана Лазаревича.

Из ее родных в 1932 г. знал сказки сын Семен Семенович. Былин никто не знал.

Былины А. М. Никоновой по своей композиции представляют традиционные прионежские типы. По общему своему характеру, тону, стилю показательны для процесса приближения образов и языка к быту и речи северного крестьянина XIX—XX вв.

ДОБРЫНЯ

- Добрынюшка матушки говаривал:
«Государыня моя матушка,
Чесна вдова Офимья Александровна,
В ково меня, Добрынюшку, спородила?
5 Силой–могутой в Илью Муромця,
Красотой во Олёшку ль Поповиця?».
Говорит тут Добрынюшки матушка:
«Спородила я тебя силой–могутой,
Красотой и ухваткою
10 Во Олёшку Поповиця».
Тое словцё Добрынюшки не слюбилосе:
«Уж ты луцце б Добрыню спородила
Катуциим бы белым каменем,
И свертела бы камень в травцят рукав,
15 И снесла бы этот камень на Фавур–гору,
И спустила бы камень этот под гору,
И скатилсэ бы камень в синн море,
Лежал бы век по веку
И отныне и до веку».
20 Брал седнышко ново черкальское,
Брал он ўздицю нову тисьмяную,
Брал он плётоцьку нову не хлыстану,
И седлал обкольцюживал
Своего–то добра коня.
25 Двенадцать подпругов шелковьих
И тринадцату клал ради крепости.
Говорит Добрынюшки доброй конь:
«Уж ты ай же, Добрынюшка Никитиниц!
Отец–то седлал, дак рёбро к рёбрушке,
30 А уж ты седлаешь — рёбро на ребро».
Садилсэ Добрыня на добра коня.
Приходит его молода жона,

- Приходит его любимá семья
Настасья Микулицьна.
- 35 — «Уж ты ай же, моя молода жена,
Настасья Микулицьна,
Дам я те заповедь на́ шесть год,
Пройде заповедь шнсь годышков,
Хоть вдовой живи, хоть заму́ж поди,
- 40 Столько не́ ходи за тово купця
За Олешку Поповиця:
Олешенька Поповиць мне названаи брат».
Столько видли Добрынюшку сядуци,
Не видли поедуци, уехал Добрыня в чистó поле.
- 45 Олешенька Поповиць тут
На своём на добрóm кони
Наехал на тот на широкой двор.
Своего коня прикольцюживал
К тому стоубу ко тоцёному,
- 50 К тому ко кольцю к золоцёному,
Где Добрыня добра коня седлал.
Приходит во редню столовую.
Ён крес ведёт по писаному,
А поклон кладёт по уцёному,
- 55 Настасьи Микулицьной в особину:
«Здравствуешь, молода вдова,
Здравствуешь, любимá семья
Настасья Микулицьна!
Я тиби от Добрыни поклон привёз.
- 60 Твой Добрыня Микитиниц
Лежит в цистом поле простреленой,
Ево ноженьки край дороженьки,
Голова ево под кустышком».
И націл к Настасьюшки похаживать,
- 65 Нацял Настасьюшку подсватывать.
Говорит Настасья Микулицьна:
«Ай же, Олешенька Поповиць!

- Проживу я шесь годышков вдовиных,
Тóшто и замуж пойду».
- 70 И годок за годок, быдто дож дожжит,
Неделя за неделей, што река бежит,
Денёк за денёк, што трава ростёт,
И ёна прóжила шесь годов вдовиных,
Взял уж тут Олёша Поповиць подхаживать,
75 Взял Настасьюшку подсватывать.
Говорит Настасья Микулицьна:
«Я прожила годушки вдовиные шесь годов,
Еще прóживу шесь годышков заповёдных».
Годок за годок, быдто дож дожжит,
80 Неделька за неделкой, как река бежит,
Денёк за денёк, как трава растёт.
Прошло тому времецьки двенадцать лет.
Всё Добрынюшки Микитиця домой не видать.
Тут приступили вси князья, вси бóяра,
85 Привышней князь стольно–киевской,
И вси взяли Настасьюшку
Сбивать за Олёшеньку.
И она тут понаумилась
И пошла за Олёшеньку.
90 Завели ены тут пир–свадебку,
Увели ею тут к князю стольно–киевскому,
Стали свадьбовать.
Поехал Добрыня Микитиць в цистó поле,
Кто конь подтыкается,
95 Говорит Добрыни доброй конь:
«Уж ты ай же, Добрыня Никитиниць!
Твоя молода жона, твоя любимў семья
Замуж пошла,

- За тово купця за Олёшку Поповиця».
- 100 Поехал Добрыня на пер да на свадебку
К своей молодой жоны.

- Приеждает на свой на широкой двор,
Своево коня прикольцюживал
Х тому стоубу ко тоцёному,
105 Х тому кольцю х золоцёному,
Приходит он во ридню столовую,
Он крес ведёт по писаному,
Поклон ведёт по уцёному,
Офимьи Александровны в особину:
110 «Здравствуешь, молода вдова Офимья
Олександровна!
Я тиби от Добрыни поклон принёс».
— «Как ай же ты, мала скоморошина,
От Добрыни поклон принёс?
Прошло тому времецьки двенадцать лет —
115 Добрыни Микитиця живово нет».
— «Мы в цистом поли с Добрыней поразъехались,
Конямы мы с им поменялися,
И крестамы мы с им побратались».
Показал свой злацён перстень
120 И с вóрота показал свой золоцёной крес.
«Отправил меня Добрыня Микитиць
К своей молодой жены,
К своей любимой семьи на свадебку,
И велел мне взять гусёлышка муравцяты¹
125 И клюху стопудовую,
И велел сходить на пер на свадебку
Звеселить князя и княгину молóдых».
И дала ему гусёлышка яровчаты
И клюху стопудовую,
130 И он отправился к княгины на свадебку.
И приходит на пер на свадебку,
И выстал на печьку.

¹ Оговорка, вместо яровчаты, см. стих 128.

- Сел на запецьку,
И взял гусёлышка поигрывать.
- 135 Услыхали князя и бóяра,
За столом князь и княгина молóдыи
И говорят: «Поди к столу, молодóй игрок,
И звеселяй князя и княгину молóдых!».
- Подходит Добрыня к столу дубовому,
140 Подносят ему цяру зеленá вина.
Вынимал Добрыня золотой перстень
Со правóй руки
И положит в цяру зелена вина,
И подносит княгины обруцёной:
- 145 «Ай же ты, княгина обруцёная!
Выпивай же ты пей цяру зелена вина,
Изопьёшь до дна — дак увидишь добра».
- И взяла княгина обруцёная
Эту цяру зелена вина и выпила.
- 150 И увидала там золоцён перстень,
И видит, што Добрынин золоцён перстень,
И говорит: «Не то мой муж, которой за столом
сидит,
А то мой муж, которой у стола стоит».
- Взял Добрыня Микитиць Олёшеньку
- 155 За жолты кудры,
Взял по горенки поваживать
И стопудовой клюхой поколацивать.
Говорит Олёшеньке Поповицю:
«Што всякой-то на свете женитце,
- 160 Да не всякому женитьба задаваетце».
- Увёл Добрыня свою молоду жену домой,
Олёша осталсэ нú при чём.

[ВАСИЛИЙ ИГНАТЪЕВ]

- Выходила турица со турятамы,
Воспрогóворят турята неразумнии:
«Ведаем над Киевом чудным–чудным–чудно́,
Ведаем над Киевом незгодушку большу:
- 5 Ходит душа красная девушка,
Цитает ена книгу ледавидовую,
И не столько цитает,
Вдвóем, втрóем плацет».
- «Уж вы, глупые турята неразумнии,
- 10 Тут не красная девица плакала,
Уж тут плакала мать городóвая стена.
Ена ведает над городом цюдным–цюдным
цюдно́,
Ена ведает над Киевом незгодушку большу́:
Наиде Табатыга Табатыгин сын
- 15 Со зятем Тараканциком Корабликовым
И со тым дьяцьком со издумшицьком».
- Наехал Табатыга Табатыгин сын
Со тым дьяцьком со издумшицьком.
Отыскали тут Василья в кабаки на́ пеци.
- 20 — «Ты давай–ко нам вина полтора ведра!».
- Сливали вино в едино судно́.
Здымал Табатыга единой своей рукой,
Выпивал Табатыга на един–то здох:
«Уж я нонеця могу своим добрым конём
владать,
- 25 Уж я нонеця могу своей востро́й саблей махать».
- Нацял по полюшку погуливати,
Нацял головушок порубливати,
Срубил–пригубил до единой головы.
Назад ко Василью воро́цялсэ:
- 30 «Давай–ко же вина полтора ведра».
- Сливал ён вино в едино судно́,
Выпивал Табатыга на единой здóх:
«Нунеця могу своим добрым конём владать,

Нонеця могу своей вострой саблей махать».
35 Тут Василий Буславъевиць
Ево самово решил.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

- Дюк Степанович матушки говорил:
«Ай же ты, моя матушка,
Дай же ты мне прощеньице–благословленьице
Ехать ко городу ко Кееву,
5 Ко ласковому каязю Владимиру,
И той дорожкой прямой, а не окольной».
И говорит ему родная матушка:
«Ай же ты, сын мой возлюбленной,
Не дам я тебе прощеньица–благословленьица
10 Ехать дорожкой прямой, а не окольной,
Где стоит три за́ставы великии.
Первая за́става великая —
Сидя птици клевуции,
Тьи птици ты с конем склюють.
15 Вторая за́става великая —
Стоят горы тоукуции,
Тьи горы поростоунутце,
Поростоунутце да вместе стоунутце,
Тебя Дюка с конём сомнут.
20 Третья за́става великая —
Лежит зме́йцо што Горынчище,
О двенадцати змея о хóботах,
Тая змея тебя с конём сожрёт».
— «Ай же ты, родимая моя матушка!
25 И спустишь — поеду,
И не спустишь — поеду.
И дашь прощеньица и не дашь прощеньица»,
Ну, ена и благословила ево.
Сел Дюк Степанович на свово добра коня.
30 К первой за́ставы подскакивал —
Сидя птици клевуции.
Не успели тьи птиценьки
Своих крылышков расправлять,
Дюк Степаныч тую за́ставу проскакивал.

- 35 Ко другой за́ставы прискакивал —
Стоят горы потоукуции.
Тыи горушки поростоунулись,
Не успели горы вмисто стоукнутьце,
Ен тую за́ставу проскакивал.
- 40 Ко третьей за́ставы прискакивал —
Лежит змевщо што Горынчищо,
О двенадцать змея о хоботах.
Не поспела тая змея своих хоботов порасправити,
Дюк Степаныч тую за́ставу проскакивал.
- 45 Ко городу ко Кееву прискакивал.
Ласковой князь ещо у обидни,
Ён к обидни.
И приходят от обидни христоськоей
Со ласковым князем Владимиром.
- 50 Тут ись садятце.
Стал Дюк Степанович задевать
Князя ласковово на́ словах:
«Во нашей Индне богатой
Дмы стоят у нас каменны,
- 55 Пнценьки кладены муравцяты,
Помялышка у нас шёлковыи,
Перожку пекуть у нас крупівцяты,
Колацик съешь — другово хоцетце,
А дру́гой съешь — по третьему душа горить».
- 60 Князь–то стольно–киевской
Ему и го́ворит:
«Какая же у вас Индня бо́гатая?».
И его к сиби при́брал.
И ён письмо написал к своей матушки,
- 65 К коню привязал и отправил домой.
И конь сходил и, што надо, всё привёз ему.
Удивляетце князь стольно–киевской:
«Надо, говорит, послать послов
Проведать ево имущество–бо́начесьво».
- 70 И отправлял послов туды.
Послы съехали на ево родину.

Женшинья идут на работу,

Ены и спрашивают:

«Есь ли в етом обози Дюкова матушка?».

75 — «Што же, говорят, какии же вы за люди?

Разве Дюкова матушка с нами в обози ходит?».

Опять идут портомойници,

— «Есь ли етта у вас Дюкова матушка?».

— «Да какая вам етта Дюкова матушка?

Дюкова матушка разве с нами с портомойницами ходит? Дюкова матушка не хоцет рук моцить».

80 И показали, где есь Дюкова матушка.

Пришли оны в ейное зало,

Ходят против их работници, ей ись приносят.

Они спрашивают: «Есь ли средь вас Дюкова
матушка?».

— «Ой, да видать ли вам Дюковой матушки!

85 Мы сами ни цясто видим».

К матушке как приводили, дак вся в золоте матушка. — «Дюкова матушка, вот мы приехали к вам обцинить Дюка Степанова именье». Она разула калошу с ноги: «Если можете оцинить ету колошу, дак и цинить будете именье». Оны повертелись, повертелись, да одной колоши не могли обцинить.

КОСТРЮК

Царица–то крымская поляница удалая,
Татарка упалая
С Кострюком подумиласе,
С молодым сговориласе
5 В сильнѣ царьсьво поехати,
В сильнѣ царьсьво в Московської,
В королесьво Литоськое.
Оны сили, поехали.
До Москвы не доехали,
10 Среди поля цистово,

480

Среди луга зелёного
Коней поставили,
Шатры–ты роздёрнули,
Шатры полотняныи.
15 Самы–то в шатры взошли,
Конім–то насыпали
Пшена белоярово,
Ердуки–ты расписывал,
С ердукамы посла послал:
20 «Ты бежи–тко, скорой посол!
Бежи в ридню столовую,
И бежи не с упадком,
Говори со прикладкою,
Штобы двóры там спрастывать,
25 Конюшни споразнивать,
Столы бы расстáвливать.
Котлы бы навешивать.
Наедет Кострюк–Демрюк,
Наиде Кострюков сын,
30 Наиде Демрюков сын,
Наиде царькашанин».
Тут приехал Кострюк–Демрюк,
Приехал Кострюков сын,

Приехал Демрюков сын,
35 Приехал царькашанин.
Говорит же Кострюк–Демрюк:
«Уж ты ай же, скорой посол!
Бежи осереды Москвы,
Закрыци во всю голову,
40 Штобы слышно во всю Москву.
Бежи не с упадкою,
Говори со прикладкою,
Есть ли в Москве борьци,
Удалы добры молодци
45 С Кострюком поборотися,
С молодым подумитися,
Его силы отведати,

481

Да и своєю попробовать».
Два брата–то родныи,
50 Одново звали Федькою,
А другово Михалкою,
Удалы нарекалися,
Во борци называлися.
Прибежал тут скорой посол
55 Во ридню столовую:
«Ай же, Кострюк–Демрюк,
Хлеб–соль ти на столи,
Бог есь ти на стены,
И борець есь ти на двори».
60 Скоцил Кострюк с застолья,
Задел ногой за скамью,
Убил тридцать татаринов,
Убил сорок богатырев,
И вси стоят окаракою,
65 А и вси моля Кострюку,
Штобы он на двор–то шол,
Да больше бы и не пришол.
Уж он Мишку–ту раз попнул,
Уж он Мишку другой попнул,

- 70 Стóит Мишка не шáтнетце,
Ево кудры не сворохнутце.
— «Мне–ка стать ли рука рубить,
Али сó лба глаз воротить!».
А Федька борець разудалоей
- 75 Ево взял за белы руки,
Подпнул выше церьквы соборной
И свысока спустил ó землю.
Ну рубашка–то трёснула,
И ево пузо–то лопнуло,
- 80 И пошла пава заплакала,
И тут–то Кострюку и слава пошла.